

ПАЛАГУТА В.И.

профессор, доктор философских наук,
заведующий кафедры инженерной педагогики
Национальной Металлургической академии Украины
(г. Днепр, Украина)
palaguta@ua.fm

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ КАК ФОРМА СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО СУБЪЕКТА

Аннотация

В статье рассматривается процесс самоидентификации как одна из главных форм социализации современного субъекта. Сейчас можно говорить о том, что прежняя теория социализации, широко применяемая в социально-гуманитарных исследованиях, уже несовместима с современной трактовкой человека как полисубъектного образования. Полисубъектность конституируется постоянно трансформирующейся социальной реальностью, распадающейся на множество полей дискурсивного социального пространства. Тем самым, субъект определяется множественностью мест и позиций в социальных пространствах, имеющих дискурсивную или речевую природу. Социальное существование субъекта, и как следствие, сам процесс социализации во многом формируются процессами самоидентификации. Самоидентификация характеризуется дискурсивно-речевой символической природой, определяется как «дар речи», что обычно упускается из внимания в традиционной трактовке категории и самого процесса социализации в социально-гуманитарных исследованиях.

Ключевые слова: полисубъектность, самоидентификация, социализация, социальная среда, дискурс, социальная реальность.

Немаловажный аспект изучения многогранности современного человека, который нашёл своё объяснение в современном понятии полисубъектности, нацеливает социально-философский дискурс, изучающий человека действующего, на исследования взаимосвязи и всевозможных корреляций процесса самоидентификации с многообразными формами социализации. Давая определение процессу самоидентификации, мы делаем акцент на том её моменте, что самоидентификация представляет собой процесс, в котором *идентификатор и идентифицируемое совпадают*. Иными словами, в процессе самоидентификации идентификатор *сам себя соотносит* с тем или иным языковым означающим *внутри речи или что* принято сейчас называть с философии *дискурсом*. В качестве примера можно привести такие высказывания как «Это – Я», «Я думаю, что...», «Я так решил ...», «Меня зовут...», «Мною была сделана...», а также все те высказывания, в которые включена любая, прямая или косвенная, отсылка к говорящему субъекту.

Данное совпадение конституирует различие между дискурсивной самоидентификацией и всеми другими формами идентификации. Так, если в случае *простой* идентификации, идентифицируемое существует независимо от идентификатора и самого процесса идентификации (т.е. оно существует «до» и «вне» идентификации; акт идентификации является внешней по отношению к "идентифицируемому" процедурой), то *субъект не существует вне способности самоидентификации*. Это значит, что в рамках конструкции высказывания «Это есть Я», инстанция «Это», стоящая «до» «Я», и являющаяся субъектом в формально-апофатическом смысле, парадоксальным образом существует как «эффект» следующего за ним «Я», т.е. она складывается *в последствие* (термин З. Фрейда), задним числом, через акт *самоименования* или *самоозначивания*. Самоименование предшествует всякому осознанию, всякой рефлексии как мысленному действию субъекта. Необходимо отметить, что эти случаи далеко не исчерпывают содержание самоидентификации человека, они лишь указывают на самую сердцевину этого процесса, что получило именование перформативной самоидентификации или «действию субъекта через свою речь».

Во множестве исследований самоидентификацию представляют как социальную идентификацию и сводят, в конечном счёте, к социализации, т.е. рассматривают эти процессы не только как подобные, но как частично или даже полностью тождественные [1, с. 613-623]. Но так ли это на самом деле? Чтобы лучше осмыслить самоидентификацию как процесс, рассмотрим ее в контексте социализации, и наоборот, рассмотрим социализацию в свете самоидентификации.

Как следует из «Всемирной философской энциклопедии» содержательно социализация определяется как "процесс операционального *овладения* набором программ деятельности и поведения, характерных для той или иной культурной традиции, а также процесс *интериоризации* индивидом выражающих их знаний, ценностей и норм". Причем процесс интериоризации трактуется как фаза социализации. Мы намеренно делаем акцент на фазе интериоризации, потому что именно в ней, на взгляд классической социальной теории и классической философской антропологии, и заключается результат процесса социализации, происходит встреча и воздействие внешней социальной среды на внутреннее «Я» субъекта. Тем самым, сразу предполагается, что социальная среда и субъект являются отделенными друг от друга *объектными* инстанциями как ведущее и ведомое. Но так ли это на самом деле? И, наоборот, имеет ли какое-либо отношение к процессу социализации процесс самоидентификации? То есть, имеет ли какое-либо отношение к процессу самоидентификации социализация человека?

Так, в той же «Всемирной философской энциклопедии» следующим образом говорится о тождественности социализации с процессом самоидентификации: «С точки зрения *социокультурного механизма* социализация как *процесс идентификации индивидом себя* с определенными социальными ролями осуществляется не только в контексте непосредственного общения (интеракционизм), но и опосредовано: через знаковые системы культуры (язык, миф, искусство, религия и т. д.), несущие информацию о возможных в данном социальном контексте *индивидуальных ролях*» [1, с. 981]. Но насколько процесс социализации тождественен процессу самоидентификации может прояснить только сравнительный анализ их механизмов действия. Тем более, **что в традиционной теории социализации нет различия идентификации и самоидентификации**, о различии которых уже мною говорилось ранее. Если мы проанализируем вышеприведенные содержательное и процессуальное определения социализации, то сразу обращают на себя внимание следующие *существенные моменты*.

Во-первых, отождествляя механизмы социализации и идентификации, даже учитывая, что их тождество возможно только «при определенных условиях», ни слова не говорится о речевых или дискурсивных практиках как о конституирующем факторе как идентификации, так и самоидентификации в её перформативном варианте, что предельно упрощает понимание как процесса самоидентификации, так, в конечном счете, и самого процесса социализации. А как мы уже отмечали ранее, немаловажным моментом здесь является именно принципиальное различие между процессами идентификации и самоидентификации. Повторю ещё раз - специфика самоидентификации как процесса как раз в том и заключается, что в нем сам *идентификатор и идентифицируемое совпадают*, и что соотношение идентифицируемого с тем или иным идентифицирующим объектом в акте именованного устанавливается только *самим* идентификатором как самостоятельно производящим данное именование *внутри своей речи*.

Во-вторых, в данных определениях крайне расплывчато представлено социальное измерение субъективности, рассматриваемое исключительно как сугубо внешняя субъекту инстанция в виде пресловутой социальной среды, что является явно недостаточным в понимании многообразия форм феномена социального. Здесь сам процесс социализации выражается предельно упрощенной линейной схемой, смысл которой заключается в овладении определенным инструментальным набором, как принято сейчас говорить, – знаний, умений, навыков из арсенала социокультурных артефактов социальной среды, в которую, как бы «заброшен» субъект (М. Хайдеггер). Поэтому, исходя из данного толкования, – и содержательно, и процессуально, – социализация намертво "привязывает" субъекта к социокультуре, где содержательный аспект проявляется исключительно лишь через фазу интериоризации и ее производную – интроспекцию. Но как показывают современные социальные, прежде всего, дискурсивные практики – объективных, априорных и готовых содержаний социокультуры не существует, они воспроизводятся и трансформируются вместе с самим субъектом.

И здесь возникает немаловажный вопрос – а можно ли вообще соотносить между собой *процессы* самоидентификации и социализации, и каким образом это осуществить? В самом деле, обращает на себя внимание различие и противоречивость трактовок данных процессов в традиционной социальной теории, ориентированной на данные определения социализации и современной теории «производства» субъектности. Поэтому, с одной стороны, их можно рассматривать и как процессы, которые имеют сравнительно мало общего между собой, т. е. социализацию и самоидентификацию можно относить в принципе к разным сферам существования субъекта. Но, с другой стороны, возникает вопрос (он и не может не возникнуть), а существует ли какая-либо действительная корреляция в действии механизмов самоидентификации и социализации? Если да, то возможно ли и каким образом представить процесс социализации как сравнительно длительный во времени процесс

«включения» субъекта в социальное измерение? Иначе говоря, возможно ли в принципе представить социализацию как серию самоидентификационных *парциальных актов* (правда, во многом складывающихся для субъекта случайным и непредсказуемым по своим конечным результатам образом)?

При рассмотрении данного вопроса проведем краткий сравнительный анализ концептуальной структуры социализации, применяемый в традиционной социальной теории, и ее отличия от современных теоретических подходов. Так, современные подходы практически не используют социализацию как концепт рассмотрения процесса становления субъектом и изучают социальную реальность, формируемую одновременно социальными структурами социума и субъектом как относительно независимые друг от друга инстанции. Напротив, традиционная социальная теория концептуализирует процесс социализации, выстраивая его на основании линейной модели «субъект - социальная среда», где субъект *усваивает* социальные нормы мировосприятия и поведения в процессе взаимодействия с другими субъектами той же социальной группы. Процессы социализации субъекта в данном контексте немыслимы без реального социального взаимодействия, где ведущей категорией является *социальная адаптация*. На данном ключевом положении строили свои концепции социологи-функционалисты середины прошлого столетия – Т. Парсонс, Р. Мертон, Э. Шилз и многие другие социальные теоретики.

Необходимо здесь отметить что во многом социальная теория в целом начала и середины 20 века испытала сильное влияние социальной психологии и ортодоксального психоанализа при выборе социетальной модели субъективности, в которой процесс социализации жестко привязан к социальной адаптации (что, как правило, упускается из виду при рассмотрении понятия социализация). Прежде всего, как она представлена в теории личности психоаналитической «Эго - психологии», в работах А. Фрейд и, особенно методолога «Эго-психологии» Хайнца Хартманна [2]. Можно даже утверждать, если проследить генезис идей, что в середине 20 века социально-гуманитарные науки испытали сильнейшее влияние «Эго-психологии» в понимании социализации субъекта, т. е. была совершена своего рода экспансия психоаналитической теории «Эго» на социально-гуманитарное знание, сыгравшая решающую роль в утверждении принципов социализации классической социальной теории. Так, в качестве оптимальных условий и предпосылок для модели социализации субъекта Х. Хартманн выбрал именно *социальную адаптацию*, в которой непосредственным прообразом является элементарное биологическое приспособление человека к условиям окружающей внешней среды. Более того, концепция Х. Хартманна оказала существенное влияние на разработку общего междисциплинарного подхода о социализации, рассматривающей ее исключительно как социальную адаптацию. Тем самым, понятие социальная адаптация отсылает исключительно к биологической науке начала и середины прошлого столетия (как и все другие науки добившаяся сейчас уже качественно иного уровня своего развития и несколько иначе подходящая к данному вопросу) и означает приспособление субъекта к условиям социальной среды по аналогии с приспособлением живого организма к биологической среде. Повторю, что данная схема и была впоследствии принята как методологическая основа понимания субъекта в классической социальной теории.

Сейчас широкое распространение получает новая концепция социально- гуманитарных наук – социальный конструктивизм, который стремится, в конечном счете, понять, как сознание *работает* с миром, как оно с ним *обходится*, каким оно его *видит*. Вопрос же, что из себя представляет сам этот мир как таковой в этой сугубо «феноменалистской» перспективе может показаться праздным. Объективный мир, природный и социальный, предстает перед сознанием как совокупность (воспринимаемых как «внеположные», находящиеся где-то вовне) «данных опыта», подлежащих упорядочиванию, мыслительному и практическому. Каков мир сам по себе (кантовское *Ding an sich*), мы никогда точно сказать не сможем, поскольку всегда имеем дело лишь с миром *для нас* — миром, данным нам в ощущении, восприятии и представлении.

Процессы когнитивного оперирования с данными опыта и их результаты не носят абсолютно случайного характера, следовательно, обоснованным было бы предположить, что конструирование реальности совершается по определенным правилам, правда, по большей части имплицитным, ускользающим во многих случаях от внимания самих «конструкторов», задействованных в строительстве общего мира. Если черты порядка и постоянства, обнаруживаемые в фактах, носитель наивно-объективистских воззрений будет приписывать самим фактам, то конструктивист, как минимум в дополнение к этому, также способам их селективной обработки в нашем мышлении и восприятии.

И в этом смысле человек конструирует свою реальность. Конструирование реальности не является ни строго преднамеренным, совершаемым по четкому плану, ни совершенно непреднамеренным, стихийным. Но оттого, что мир человеческий конструируется, он не становится еще чистым миражом, продуктом чьей-то больной или здоровой фантазии, тем, от чего можно просто отмахнуться, что можно забыть как дурное или приятное сновидение. Действующие механизмы создания миров во многом «принудительны» для субъекта, их воспроизводящего, они задаются аппаратом сенсорной активности и когнитивных способностей человека, логической и психологической организацией его мыслительной деятельности, а также детерминированы многочисленными социально-историческими и культурными факторами. То есть конструирование реальности — это не просто увлекательная постмодернистская игра для «особо одаренных личностей», но «вполне серьезное», и притом достаточно прозаическое и рутинное предприятие, в котором принимают участие миллионы вполне обычных индивидов ежедневно как поодиночке, так и сообща. Его серьезность определяется, в частности, серьезностью и ощутимостью его результатов. В этом смысле вполне по-конструктивистски звучит хорошо известная социологам теорема Томаса: «если люди *определяют* ситуации как *реальные*, они реальны по своим последствиям».

Ни о каком хаотическом творчестве жизненных форм или ничем не ограниченной индивидуальной свободе в большинстве ситуаций перманентного процесса производства и воспроизводства реальности речи не идет. Человек, втянутый в данный процесс, конструирует мир не один и не «с чистого листа», он делает это наряду с другими и вместе с ними, он делает это не первый, до него этим уже занимались сотни и тысячи лет, и он постоянно сталкивается с плодами аналогичной деятельности своих предшественников и современников, известных и неизвестных, как с некоей упрямой фактичностью.

Поэтому, социальный конструктивизм в лице, к примеру, ее известного французского представителя Ф. Коркюфа достаточно гибко рассматривает процесс социальной адаптации. Речь здесь идет о наложении двух систем множеств: множества вариантов приспособляемости субъекта к социальной реальности и множества постоянно меняющихся обстоятельств самой социальной реальности: «Способ адаптации индивидов к их окружению — это встреча относительной упорядоченности (репертуар индивидов как типов ситуаций является заранее сформированным и пред- установленным) с сингулярной динамикой действия. Сами категории «индивид» и «коллектив», — поясняет свою позицию французский социальный теоретик, — слишком глобальные с аналитической точки зрения, и было бы предпочтительнее интересоваться более детально соединениями и напряжениями, складывающимися в процессе взаимодействия многообразных состояний личности и многообразных состояний мира. Именно так индивиды могут вступать в различные режимы действия» [3, с. 275-276].

К тому же, поскольку социальная реальность никогда не является целиком завершенной и определенной заранее, то субъект, будучи автономным, всегда открыт для новых интерпретаций и преобразований социальной реальности, включая ее трансформацию, и используя неисчерпаемые возможности и ресурсы субъективного воображения. Более того, внутри всякого социума и культуры, в которые включен субъект, имеются неиспользованные возможности, благодаря которым социальную реальность нельзя полностью свести к сложившемуся социальному порядку. Поэтому субъект, используя неисчерпаемый потенциал своего воображения, может выстраивать социальную реальность на несколько иных, даже альтернативных принципах, что во многом определяется его автономией и является необходимым условием для конструктивистской направленности его социальных практик. Таков, вкратце, смысл методологического подхода социального конструктивизма к пониманию идентификации.

Можно утверждать, что биологические организмы и человеческие социальные системы являются *совершенно противоположными* метасистемами, которые образуются при агрегации клеточных систем любого и различного порядка. Поэтому, биологические организмы и социальные системы, в которые включен субъект, невозможно отождествить или уподобить, не искажая или не отрицая при этом их специфические особенности. Между ними не существует легко просчитываемой линии перехода, **их различие не степенное, а принципиальное**. Вот почему, линия перехода от биологической адаптации к социализации в том виде, в котором она была позаимствована классической социальной теорией из биологической науки того времени *совершенно неприемлема*, если мы хотим быть в данном вопросе на уровне как современной социальной теории, так и на уровне современного развития биологического знания.

То, что эта схема широко утвердилась и в других социальных и гуманитарных науках, и, не только в социальной психологии, но и в социологии, культурологии, социолингвистике и других, без

особого труда можно обнаружить, если обратиться к трактовке проблемы социализации, социального взаимодействия и социальной адаптации субъекта одним из известнейших социологов современности Э. Гидденсом. «Социализация, – с точки зрения английского социолога, – является основным способом передачи культурных ценностей от поколения к поколению... Социализация предстает как непрерывный процесс, охватывающий всю жизнь человека, который заключается в изменении его поведения под влиянием социальных взаимодействий» [4, с. 37].

Социальные взаимодействия, обеспечивающие социальную адаптацию, понимаются как универсальные условия, которые «помогают людям усвоить ценности, нормы поведения и убеждения, присущие данному обществу» [4, с. 38] через социальный контроль и социальную коррекцию поведения. Но самое интересное то, как соотносится субъект со структурами социума у Э. Гидденса. Так, отождествляя индивидуальность и идентификацию, он, тем не менее, дифференцирует ее следующим образом: «Есть два типа идентификации: социальная идентификация и самоидентификация (или персональная идентификация). ... Социальная идентификация – это набор признаков, которые общество приписывает данному индивидууму. Они могут служить своего рода опознавательными знаками» [4, с.39].

И далее, «если социальная идентификация позволяет установить сходство между людьми, то самоидентификация дает нам возможность рассматривать себя *изолированно как отдельных индивидуумов*. <> Именно благодаря постоянному взаимодействию человека с окружающей действительностью у него/нее формируется ощущение собственного "я". Такое взаимодействие индивидуума и социума помогает установить связь между этими *двумя мирами* - миром личного и миром общественного» [4, с. 40].

На наш взгляд, здесь существует *предельно узкое*, в традиционном классическом смысле понимание феномена социального, который, напротив, многообразен, имеет свою социальную онтологию и благодаря которой социализация имеет несколько иной механизм протекания.

Поэтому, в той же работе английский социолог старается отмежеваться от «крайних» функционалистов, но, при этом, сохраняя всю онтологическую, социально-философскую основу их рассуждений. Тем не менее, данная теория социализации делает практически невозможным понимание проблематики субъекта, если мы хотим ее рассмотреть в контексте *реальных* по своей сути социальных процессов самоидентификации, и отказываемся от традиционного понимания процессов социализации через интериоризацию и интроспекцию как пассивного усвоения или "считывания" норм и ценностей извне, что, возможно, позволит нам составить более точную и ясную картину того, как социализация на самом деле происходит.

Поэтому, можно констатировать, что традиционная схема социализации «социальная среда – субъект», к сожалению, «живуча» и по-прежнему достаточно широко применяется в социально-философских исследованиях, о чем красноречиво говорят многие публикации по изучаемой проблематике. К примеру, в работе «Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы» есть такое достаточно дискуссионное определение: идентификации «Идентификация близка к социализации, тем не менее это разные образования. Социализация включает человека в общество, тогда как идентификация (идентичность) приобщает его к той или иной культурной общности. Такой культурной общностью может выступать само общество.<> К тому же идентификация имплицитно *индивидуализацию*, или экзистенциальную самобытность, тогда как социализация несет с собой тот или иной *конформизм*» [5, с. 345]. И далее: «Структурная диспозиция социокультурной принадлежности предстает как состоящая из *двух* сторон: внутренне-субъектной и внешне-средовой, т. е. из индивида и тех кругов жизни, которыми он де-факто опоясан. Логично поэтому описать сначала эти стороны, а потом уже их "идентичностную" взаимосвязь» [5, с. 345].

На наш взгляд, в подобных трактовках механизма социализации не только совершенно неадекватно представляется процесс и механизм самоидентификации субъекта, но и сама социализация рассматривается в *предельно упрощенном* виде. В качестве точки отсчета выбрано жесткое разделение на внутреннее, индивидуальное как субъективное и внешнее как социально-«средовое», что в принципе лишает субъекта «внутренней» социальности и делает его *пассивным и полностью зависимым* от социальной среды. Последняя традиционно рассматривается как внешняя определяющая инстанция субъективности, которая связывает самоидентификацию исключительно с индивидуализацией. Тем самым, (само)идентификация лишается важнейшей ее социальной составляющей, что, на наш взгляд, в корне неверно, т. е. совершенно игнорируется «встроенный» социализирующий субъекта аспект социального бытия, конституированный и конституирующий его в первую очередь, через речевые или дискурсивные практики.

О том, что данному аспекту стали в последнее время уделять в современной социальной теории повышенное внимание, достаточно привести точку зрения авторитетного немецкого учёного Х. Йоаса: «Социальная психология должна раскрыть социальность, заранее предполагаемую во всех индивидуальных действиях и не сводимую к ним; но эта социальность сама описывается как специфический способ действия и координация отдельных действий. В настоящее время эта понятийная стратегия стала чрезвычайно актуальна после того, как с различных сторон было показано, что в любом действии всегда заложено фоновое знание, имплицитно предполагаемое всеми и структурированное как единое целое, а так же *коллективный символический порядок*, т. е. язык» [6, с. 210]. Коллективный символический порядок, который как бы кристаллизуется в социальных структурах устанавливается, согласно нашей точки зрения, социальным измерением дискурса, то есть механизмами действия перформативных речевых актов.

Таким образом, можно утверждать, что в традиционной социальной теории искажается понимание процесса социализации, если его рассматривать исключительно сквозь конформистскую уступку субъекта социальной среде, которая трактуется как регламентирующая его внешняя инстанция. Вот почему, чрезмерная упрощенность, схематизм, биологические предпосылки и коннотации в понимании процесса социализации требуют критической рефлексии и ее переосмысления в духе современного понимания феномена социального как важнейшего аспекта «производства» субъективности, конституированного нескончаемой чередой процессов самоидентификации. Более того, изучение субъекта сквозь призму данных процессов побуждает к детальному анализу и пересмотру *социально-философских предпосылок и оснований* процесса социализации, *упрощенная схема* которого досталась нам в «наследство» от классических позитивистских концепций и представлений этого процесса, некритически усвоенных и растиражированных в социально-гуманитарном познании.

Нам представляется более приемлемой современная трактовка данной проблемы социум или социальная реальность – субъект, ее современный вариант – они существуют **как одновременно автономные, самодостаточные и как периодически пересекающиеся или пронизывающие друг друга инстанции**. При всем различии теоретико-методологических подходов к исследованию социума и его социальных структур, и точек зрения на природу и генезис социального и субъективного, есть достаточно много общего на проблему их соотношения у таких разноплановых современных социальных теоретиков, как Н.Луман, К. Касториadis, С.Жижек, Х. Йоас, А. Турен.

Тем самым, опираясь на положения ряда современных социальных теоретиков, можно утверждать, что классическая социальная теория, которая исследовала проблему поиска детерминант и метапринципов социализации и социальной динамики в целом и сфокусировалась на изучении соотношения социальное и(или) субъективное, стала своего рода квазипроблемой или, в лучшем случае, проблемой прошлых социально-теоретических дискуссий, которые были популярны еще сравнительно недавно, а сейчас утратили былую остроту и актуальность.

Ещё раз сделаю акцент на том, что социализация как процесс, обеспечиваемый социальным взаимодействием, социальной адаптацией, социальным контролем и т. д., до сегодняшнего дня представлялась *предельно упрощенной схемой* «вхождения» субъекта во взаимодействие с социальной реальностью. Но этого явно недостаточно, поскольку есть потребность рассматривать социальное измерение субъекта в более расширенном варианте - как совокупность полей социального пространства, в которых повсеместно осуществляются процессы самоидентификации, а не как чисто инструментальную социальную среду.

Поэтому, наиболее предпочтительным, на наш взгляд, стало бы повсеместное распространение такого способа рассуждения, в котором вместо внешне и объектно-ориентированного понятия "социальная среда" применялось бы более гибкое и всеобъемлющее конструктивистское понятие «социальная реальность», распределенная по всем позициям социального пространства и вбирающая в себя субъект. Настало время рассматривать социализацию в более расширенном виде, дополняя и пересматривая традиционное ее толкование междисциплинарными, прежде всего социально-философскими и современными теоретико-психоаналитическими исследованиями механизма(ов) и процессов перформативной и других типов самоидентификации. Поэтому одной из тенденций формирования современной социальной теории, наравне с возвращением в ее исследовательское поле понятия «субъект» как аналитической категории (после постмодернистской ситуации «смерти» субъекта), является отход от классической – субстанционалистской парадигмы в трактовке социальной реальности, не сводимой исключительно к социальным структурам социума. Речь здесь идет о реляционном, гибком понимании социальной реальности, не редуцированной к социальной среде, о

новой трактовке социального, которое сейчас интенсивно формируется, активизируя, в том числе, и разработки **методологии междисциплинарного синтеза социально-гуманитарных наук**.

В этом смысле, *под социальным*, как основой соотношения «социальная реальность-субъект» мы понимаем неразрывное единство существования субъекта как сингулярной целостности и над-субъективных структур. Социальное определяется не столько социальной статикой и социальной динамикой социума, как принято обычно считать в социальной теории (они обычно воспроизводят и закрепляют уже конституированную социальность), а «внутренней» социальностью, устанавливаемой через речевые или дискурсивные практики субъекта.

Вызвано такое новое понимание социальной реальности, которое «снимает» традиционное дуалистическое разделение «социальная среда-субъект», в первую очередь, наметившимся сейчас переходом в социальной теории от классической субстанциалистской парадигмы к качественно иным теоретическим подходам. Суть данных теоретических подходов – это попытка если и не преодолеть, то свести к минимуму реификационистские навыки мышления о социальной реальности. В этом плане наиболее актуальным, на наш взгляд, становится сейчас повсеместное распространение такого способа рассуждения, в котором социальная реальность понимается не как совокупность социальных вещей, существующих как уже говорилось ранее по подобию вещей физического мира и замкнутых на себя, а как символическое, динамическое, социально-дискурсивное пространство.

Применяя подобную концепцию соотношения социальное – субъективное, где субъект рассматривается как самоидентифицирующаяся монада в символическом универсуме рече-дискурсивного пространства, что позволяет преодолевать дилемму социализации традиционной социальной теории: «социальная среда-субъект». На наш взгляд, именно механизмы «включения» субъекта через самоидентификацию в определенные *символические социально-пространственные образования* и определяют условия и результат не только «производства» субъектности, но и сам процесс социализации. Причем каждый раз результат изменяется от «попадания» субъекта в ту или иную социально-пространственную структуру.

Поэтому, сейчас в социально- философских исследованиях приобретает значимость изучение подобной топологии «производства» субъективности, понимаемой как набор символических структур социального пространства, которые *одновременно определяют и определяются* через процессы самоидентификации. Здесь речь идет о своего рода «люфте» между установленной социальной позицией в дискурсивном пространстве и относительно свободном ее выборе субъектом. Таким образом, резюмируя, можно утверждать, что теория социализации в традиционном виде уже несовместима с изучением онтологического измерения субъективности, если мы ее желаем рассматривать в ракурсе исследования условий и механизмов самоидентификации. Подобный ракурс проблемы субъективности, а именно, –рассмотрение социального субъекта в терминах самоидентификации, подразумевает отказ от теории социализации в том ее первоначальном виде, в каком она, к сожалению, по-прежнему представлена во многих социально-гуманитарных науках.

Можно сделать вывод, что во многом отход от субстанциалистской теории в социально-гуманитарных науках определяется такими исследовательскими подходами, которые помещают в центр социально-философской рефлексии *реального* субъекта, идентифицирующегося и самоидентифицирующегося в символическом универсуме социальных пространств и полей. Тем самым, приобретает значимость изучение *топологии* «производства» субъективности, понимаемой не как набор изначальных объективированных качеств и свойств (*теория черт*) или *ролей или масок субъекта* (Т. Парсонс и Э.Гоффман), а как динамический калейдоскоп символических структур социального пространства, которые задают поля самоопределения через *самоидентификацию человека*. Понять механизм воздействия этой топологии практически невозможно, если не рассматривать самоидентификацию как *социально-опосредованный* процесс, непрерывно осуществляющийся в дискурсивных практиках социализации субъекта.

Таким образом, можно сделать вывод, что прежняя теория социализации уже несовместима с полисубъектностью современного человека, определяемой постоянно трансформирующейся социальной реальностью. Рассматривая социализацию в контексте изучения субъектности, можно утверждать, что социальное существование субъекта во многом формируется процессами самоидентификации, носящими, в первую очередь, дискурсивный характер, определяемый как «дар речи», что обычно упускается из внимания в традиционном толковании категории и процесса социализации. Самоидентификация объемлет и задает одновременно и *непрерывный*, и *дискретный* процесс и структуру социализации, составляя самую её «сердцевину». Поэтому, самоидентификация субъекта является той основой, на которой должно базироваться современное понимание социализации как в содержательном, так и в процессуальном аспектах, что предполагает пересмотр

традиционного понятия социализации и разработки одной из современных её версий как самоидентификации, не столько дополняющей и уточняющей ее классическую традиционную трактовку, сколько ориентирующей исследователей на существенный пересмотр и переопределение классической теории социализации человека. Это вдохновляет и нацеливает нас на дальнейшее исследование процесса самоидентификации социального субъекта.

Список ссылок

1. Всемирная энциклопедия: Философия - М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. – 1312 с.
2. Хартманн Х. Эго-психология и проблема адаптации личности. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. – 160 с.
3. Коркюф Ф. Коллективное в споре с единичным: отталкиваясь от габитуса // Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института Социологии Российской Академии наук. – М.: Институт экспериментальной социологии. - СПб.: Алетейя, 2001. – 288 с., - С. 251-280.
4. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. – М.: Академический Проект. 2005. – 528с., – С.38-88.
5. Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы. – М.:РОССПЭН, 2009. – 440 с.
6. Йоас Х. Креативность действия. – СПб.: Алетейя, 2005. – 320 с.

References

1. Vsemirnaya entsiklopediya: Filosofiya – М.: AST. Mn.: Kharvest. Sovremennyy literator. 2001. –1312 s.
2. Khartmann X. Ego-psikhologiya i problema adaptatsii lichnosti. – М.: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy. 2002. – 160 s.
3. Korkyuf F. Kollektivnoye v spore s edinichnym: ottalkivayas ot gabitusa // Sotsioanaliz Pyera Burdye. Almanakh Rossiysko-frantsuzskogo tsentra sotsiologii i filosofii Instituta Sotsiologii Rossiyskoy Akademii nauk. – М.: Institut eksperimentalnoy sotsiologii. – SPb.: Aleteyya. 2001. – 288 s.. – S. 251-280.
4. Giddens E. Ustroyeniye obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii. – М.: Akademicheskii Proyekt. 2005. - 528s.. – S.38-88.
5. Sotsialnoye: istoki. strukturnyye profili. sovremennyye vyzovy. – М.:ROSSPEN. 2009. – 440 s.
6. Yoas Kh. Kreativnost deystviya. – SPb.: Aleteyya. 2005. – 320 s.

ПАЛАГУТА В.І.

професор, доктор філософських наук,
завідувач кафедри інженерної педагогіки
Національної Металургійної академії України
(м. Дніпро, Україна)
palaguta@ua.fm

САМОІДЕНТИФІКАЦІЯ ЯК ФОРМА СОЦІАЛІЗАЦІЇ СУЧАСНОГО СУБ'ЄКТА

Анотація

У статті розглядається процес самоідентифікації як одна з головних форм соціалізації сучасного суб'єкта. Зараз можна говорити про те, що традиційна теорія соціалізації, яка була широко впроваджена в соціально - гуманітарних дослідженнях, вже несумісна з сучасним трактуванням людини як полісуб'єктного утворення. Полісуб'єктність конститується соціальною реальністю, яка постійно трансформується, розпадається на безліч полів дискурсивного соціального простору. Тим самим, суб'єкт визначається множинністю місць і позицій в соціальних просторах, що мають дискурсивну або мовну природу. Соціальне існування суб'єкта, і як наслідок, сам процес соціалізації багато в чому формуються процесами самоідентифікації. Самоідентифікація характеризується дискурсивно-мовною символічною природою, визначається як «дар мови», що зазвичай упускається з уваги в традиційному трактуванні категорії і самого процесу соціалізації в соціально-гуманітарних дослідженнях.

Ключові слова: полісуб'єктність, самоідентифікація, соціалізація, соціальне середовище, дискурс, соціальна реальність.

PALAGUTA V.

professor, doctor of philosophical sciences,
manager of department of engineering pedagogics of
the National Metallurgical academy of Ukraine
(Dnepro, Ukraine)
palaguta@ua.fm

SELF-IDENTIFICATION AS A FORM OF CONTEMPORARY SUBJECT'S SOCIALIZATION

Summary

The self-identification process is considered to be a general form of contemporary subject socialization. Now we can see that the old theory of socialization is already incompatible with the contemporary polysubjectivity largely determined by the social reality constantly transforming and breaking down into many fields of social space. Thus, the subject is determined by a multiplicity of positions in social spaces of discursive nature. Therefore, considering the socialization in the context of the subjectivity study, it can be argued that the subject's social existence is largely defined by the self-identification processes of discursive and speech character, that is usually overlooked in the traditional interpretation of that category and of the socialization process as it is. Self-identification embraces and defines both continuous and discrete process and structure of socialization and constitutes the very "heart" of it. I.e. the subject's identification is the ground on which the contemporary concept of "socialization is based in substantive and procedural aspects as well. This implies the revision of the traditional understanding of socialization towards the development of the contemporary version of it as a self-identification, that rather not supplements and refines its classic version, but the one focused on the substantial revision and redefinition of its basic concepts and provisions.

Traditional social theory conceptualizes the process of socialization, lining it up on the basis of the linear scheme "subject - social environment" where the subject assimilates the social norms of behavior in the process of interaction with other subjects of the same social group. The processes of subject's socialization in this context would be unthinkable without real social interaction, which is the leading category of social adaptation. On this key position the functionalists sociologists of the middle of the last century built their concepts - T. Parsons, R. Merton, E. Shils and many other social theorists. It should be noticed here that the social theory of the early and middle 20th century was strongly influenced in general by social psychology and orthodox psychoanalysis when choosing a societal model of subjectivity, in which the socialization process was 'hardly' tied to social adaptation. First of all, as it is represented in the theory of psychoanalytic "ego - psychology" of the person, in the works of Freud and especially in "ego psychology" methodology of H. Hartmann. A kind of expansion of the psychoanalytic "ego" theory was made on the social sciences and the humanities, that subsequently played a key role in establishing the principles of subject's socialization in the classical social theory. Relying on the provisions of the contemporary social theorists like N.Luman, C. Castoriadis, S. Žižek, H. Joas, A. Touraine it can be argued that the classical social theory, which studied the socialization determinants and meta principles determinations problem as well as social dynamics in general and focused on the study of the relation between the social and (or) the subjective, became a kind of quazi problem or, at best, a problem of the past recently popular social and theoretical discussions, but lost their urgency and relevance by now. Moreover, the interpretation of the socialization and identification processes in traditional social theory has been generally regarded as the processes relied to different spheres of the existence of the subject. At the same time, the correlation in self-identification and socialization mechanisms action was not denied as well as it was not emphasized. Therefore, it is possible to imagine the process of socialization as a relatively long process of subject's "inclusion" into the multiplicity of social dimensions. Socialization may be defined as a series of self-identification partial acts, however, being largely shaped for the subject in random and not predictable way.

Thus, the contemporary interpretation of this problem is seemed to be more acceptable, Society, or the social reality – is the subjects, its contemporary option, - they exist as relatively self-contained, self-sufficient and periodically intersecting or penetrating each other's human instances. In this sense, we understand that the social as the basis of the 'social reality-subject' relation is the indissoluble unity of the subject's existence as a singular integrity and over-subjective structures. The social is determined not so much by social statics and social dynamics, as it is usually considered in social theory (they usually reproduce and reinforce the established sociality), but the so-called "internal" social, permanently established through numerous subject's

discursive practices. This concept of the social and subjective relation where the subject is defined as the self-identified unity in the discursive space symbolic universe lets overcome the previously mentioned traditional social and human sciences' dilemma of socialization - "the social environment - the subject." In our opinion, the mechanisms of subject's "inclusion" through the self-identification in the certain symbolic socio-spatial formations determine the conditions and the result of the socialization process. And the self-identification with the socialization radically change themselves depending on the subject's "hit" into a particular socio-spatial relational field.

Keywords: polysubjectivity, self-identification, socialization, social environment, discourse, social reality.

УДК 316.32:330.34.000.141

ПОВЗЛО О.М.

кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Запорожского национального технического университета
(г. Запорожье, Украина)
shura.povzlo@mail.ru

ФИЛОСОФСКИЙ «РАКУРС» ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация

В статье речь идет о том, что сегодняшние и дальнейшие перспективы социально-философских и научных исследований по проблемам глобализма, экологии, народонаселения, терроризма и т.д. будут иметь еще значительное время острый и противоречивый характер. С одной стороны, необходимость социальной динамики будет постоянно вызывать «спрос» на креативные формы развития и воплощения в жизнь результатов научно-технического прогресса. С другой стороны, очередной «виток» этого прогресса будет неизбежно обострять состояние дел, связанных с решением глобальных проблем современности, в первую очередь с решением экологической проблематики, а также порождать новые формы противоречий глобального характера.

Ключевые слова: глобализация, экология, народонаселение, терроризм, образование, научно-технический прогресс, гуманизм.

На рубеже XX-XXI веков перед нами начала разворачиваться новая «картина мира». Ее характерной особенностью явились переходные «состояния», когда на смену индустриальной эпохи приходит и пришла эпоха постиндустриальная, первичной исторической «фазой» развития которой явилось информационное общество. Переход к информационному обществу стал «катализатором» к изменению структуры совокупного капитала в пользу человеческого, увеличивая нематериальные потоки финансов, информации и интеллектуальной собственности. Уже сейчас эти потоки превышают объемы перемещения материальных товаров в несколько раз. Одним словом, мир, изменяясь, становится более многообразным, сложным, т.е. иным, новым. Поэтому его изучение требует кардинально новых подходов, в том числе и со стороны социально-философских наук. Вот как раз над этим работают современные исследователи. Процесс только формируется и, естественно, в этом плане здесь, как говорится «непаханое поле» проблем. Над их решением уже несколько десятилетий работали и работают лучшие представители западной социально-философской мысли, но наибольший авторитет в течение последних десятилетий завоевали научные исследования и концепции С.Амина, В.Андерсона, Зб.Бжезинского, И.Валлерстайна, С.Гантингтона, Дж.Гелбрейта, Е.Гидденса, Ф.Джеймсона, А.Зиновьева, Р.Кебхане, Х.Маккинда, Р.Робертсона, Дж.Розенау, Ф.Фридмена, Ф.Фукуямы, К.Хаусхофера. Среди украинских ученых в этой области научного исследования следует отметить научные работы А.Билоруса, В.Дударева, С.Кононенко, Ю.Павленко, Н.Шепелева и других. Вот какой своеобразный «диагноз» ставит глобализации, мировому сообществу, современным тенденциям его развития член-корреспондент НАН Украины О.Билорус: «Проведені в останні 20 років дослідження та оцінка і процесів глобалізації, глобальних трансформацій, наслідків і загроз глобалізації показують, що у світі виник новий глобальний імперіалізм як симбіоз модернового державного імперіалізму з імперіалізмом глобальних корпорацій та міжнародних організацій.